

На правах рукописи

Маничкин Нестор Александрович

ШАМАНИЗМ И ДУХОВНО-МАГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ КИРГИЗОВ

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 2019

Работа выполнена в Центре азиатских и тихоокеанских исследований
ФГБУН Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им.
Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Научный руководитель: Харитоновна Валентина Ивановна,
доктор исторических наук;
кандидат филологических наук доцент;
главный научный сотрудник ИЭА РАН

Официальные оппоненты: Пушкарёва Елена Тимофеевна,
доктор исторических наук, доцент
Горшунова Ольга Вениаминовна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры искусствоведения
Института искусств РГУ
им. А.Н. Косыгина

Ведущая организация:
кафедра этнологии исторического факультета ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Защита диссертации состоится «_____» _____ 2019 г. в _____ часов на за-
седании диссертационного совета Д.002.117.01 при Институте этнологии и
антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН по адресу: 119991, Ленинский
проспект, д. 32-А

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института этнологии и
антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН и на сайте
<http://www.ies-ras.ru/>

Автореферат разослан «_____» _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук

Е.С. Данилко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Киргизы – тюркский народ, составляющий коренное население современной Киргизии. Значительные по численности киргизские диаспоры проживают в Афганистане, Казахстане, Китае, России, Таджикистане, Турции, Узбекистане. Их духовная культура и религиозность менялись в различные исторические периоды. В XVIII–XIX вв. на смену шаманистскому духовному укладу киргизов пришел ислам, но шаманизм и связанные с ним духовно-магические практики не исчезли полностью. Частично они дожили до наших дней, естественно, претерпев существенные изменения под влиянием ислама, культуры соседних народов, а затем под воздействием советской идеологии. Трансформации продолжаются и в наши дни, когда на духовную культуру киргизов влияет сложная совокупность факторов, включая глобальные информационные процессы.

Актуальность и научная значимость исследования определяются стратегической значимостью среднеазиатского региона, религиозные и культурные процессы которого отражаются на безопасности всего мира: прагматической необходимостью понимать закономерности конфликта между этническим, архаическим культурным пластом и исламом, претерпевающим в настоящее время новый виток своего исторического развития. Этому способствует глубокое и полное изучение основ сакральной составляющей культуры народа.

Исследование шаманизма и духовно-магических практик – особенно при использовании комплексного подхода – актуально в силу того, что это позволяет глубже проникнуть не только в культуру и духовность любого народа, описывая и характеризуя их, но и понять определенные психофизиологические процессы, обеспечивающие формирование культурных основ. Научно значимым в подобных исследованиях является установление закономерностей, позволяющих в дальнейшем анализировать и моделировать важные компоненты культуры через возможности и способности человека.

Актуально и значимо в гуманитарных науках введение в научный оборот новых материалов. В данном исследовании представлены как многочисленные полевые материалы автора, так и архивные материалы, в том числе важнейшая для изучения киргизского шаманизма рукопись акына Тоголока Молдо (Байымбета Абдрахманова) «Песни и слова бакшы», перевод которой на русский язык выполнен впервые автором диссертации в соавторстве с Н. Жусуповой.

Следует отметить и слабую изученность духовно-магической составляющей культуры киргизского народа, отсутствие системного анализа прак-

тик *бата* (благословлений), заговорно-заклинательного искусства и традиции народных *зиков*, а также крайне скудные научные данные о так называемых песнях *бакшы* (шаманов). Комплексное изучение названных практик позволяет не только представить их в систематизированном виде, но и обозначить эпистемологические связи языка и сознания, роль сакральных феноменов в развитии культуры. Важно и то, что используемый в диссертации комплексный подход способствует развитию интердисциплинарности в русле современной научной парадигмы.

Научная новизна исследования заключается, помимо введения в научный оборот значительного количества полевых и архивных материалов, в *систематизации* этнографических данных о киргизском шаманизме, выделении его уникальных и специфических сторон в сравнении с родственными традициями, *экзистенциальном осмыслении* духовно-магических практик и применении феноменологической оптики к духовным явлениям киргизской народной традиции. В работе приводятся новые данные о разделении шаманов на черных и белых¹ и использовании теми и другими разных техник *измененных состояний сознания* (ИСС)². Специфика такого разделения у киргизов проиллюстрирована ранее неизвестными или малодоступными в академической литературе данными, основанными на авторских полевых и уникальных архивных материалах.

Сочетание феноменологического метода и экзистенциально ориентированного структурного подхода также ново для изучения киргизской шаманской традиции. Оно позволило по-новому взглянуть на саму структуру народного ислама, показало в нем онтологически значимое место своеобразных и исконных киргизских практик. Богатая мифопоэтическая традиция киргизов интерпретируется в диссертации в связи с феноменом мифопоэтики как сущности языка, находящейся у истока художественной культуры человека. Языковая специфика и образность обрядовых текстов проливают свет на тот мифологический модус, который играет значимую роль в киргизской народной культуре. В этом русле *мифоанализ* и *антропология воображения* Ж. Дюрана также впервые применены в изучении духовной культуры киргизов.

Объект исследования – ритуальные практики *бакшылык* (киргизского шаманизма) и *кыргызчылык* (киргизской духовной традиции), такие как: *бата*, *арбак бата*, *бакшы ыры*, *зикир*, *дуба* и другие³. Заговорно-

---

¹ Kharitonova V. „Black“ Shaman, „White“ Shamans // Shamanism. An Encyclopedia of World Beliefs, Practices, and Culture / Ed. Mariko Namba Walter and Eva Jane Neumann Fridman. ABC – CLIO. Santa Barbara, California – Denver, Colorado – Oxford, England. 2004. V. II. Pp. 536 – 539.

² Харитонова В. И. Традиционная магиико-медицинская практика и современное народное целительство: статьи и материалы. М., 1995.

³ *Арбак бата* – благословение предков (*арбактар*), которое, согласно народным представлениям, может передать человек, наделенный особым даром (чаще всего *бакшы*). *Зикир чалуу* – экстатическая молитвенная прак-

заклинательная традиция рассматривается в работе в связи с обрядовой практикой (медиумизмом; очищениями; паломничествами; жертвоприношениями; экзорцистскими, целительскими и другими обрядами)⁴.

Предметом исследования является связь киргизских духовно-магических практик и шаманизма, а также их мифопоэтическое содержание. Таким образом, предмет исследования включает сущностную связь импровизации, мифопоэтического начала и ИСС, а также культурно-мифологическую топику киргизского шаманизма.

Целью работы является изучение духовно-магического мира киргизов в его культурной и онтологической целостности, выявление изменений в развитии традиции *бакшылык*, описание ее современного состояния, анализ экзистенциальных сторон практик *арбак бата*, *бакшы ойно*, *зикир чалуу*, *обрядовой* и *заговорно-заклинательной традиции*. Достижение поставленной цели предполагает **решение следующих задач**:

1. Описать особенности киргизского шаманизма (*бакшылык*), прямо и косвенно связанные с ним практики, роль ИСС и игры в киргизском шаманизме, основные обряды и типы хранителей киргизской духовно-магической традиции.

2. Проанализировать основные духовно-магические практики киргизов: *бата* и *арбак бата* (благословения вообще и благословения духов предков в частности), *бакшы ыры* (песни бакшы), экстатические моления *зикир чалуу* и их связи с доисламской культурой, молитвенные и заклинательные практики (*дуба*, *дарым*, *бадик* и др.).

3. Выявить основные понятия и структуры сакрального мира киргизской традиции, которые мыслятся источниками и передатчиками благословения и магической силы слова.

4. Рассмотреть роль паломничеств (*зийаратов*) в духовно-магической традиции киргизов, а также связь почитания священных природных и культовых пространств (*мазаров*) со спецификой народного ислама и теми элементами, которые он впитал в себя из шаманизма.

5. Обозначить изменения и влияния, которым подверглась киргизская духовно-магическая традиция в переломное время к. XX – н. XXI вв., раскрыть связь неошаманизма и новых религиозных (религиозно-философских) учений с их этнокультурным базисом.

тика (радение), в которой, кроме исламских формулировок, чаще всего на арабском языке, речитативом или нараспев произносятся различные обращения на киргизском языке. *Дуба* и *ырым-дарым* – молитвы, заклинания, ритуальные формулировки и слова силы.

⁴ Речь идет о молитвенных собраниях (*тулөө* и *кудайы*), благодарственных жертвоприношениях (*аксары башыл*), паломничествах (*зийарат*), камланиях (*бакшы ойно*), заговаривании (*дем салуу*), духовном омоложении (*рух тазало*) и множестве других практик.

6. Показать на примере киргизских духовно-поэтических импровизаций специфику мифопоэтического начала, внутреннюю связь партиципативных феноменов, игры и импровизации, проанализировать духовно-магические практики и представления киргизов как особых кластеров *воображения*, понимаемых в русле *символической антропологии* и экзистенциально ориентированной феноменологии.

Методология и методы исследования, примененные в диссертации, по большей части традиционны для антропологических работ. При опоре на *комплексный подход*, которого требует столь многоплановый и сложный материал как шаманизм и духовно-магические практики, охватывающий множественные стороны бытия человека и его самореализации в сакральном пространстве, были использованы, как важнейшие *структурно-феноменологический, сравнительный, типологический, кросс-культурный* и некоторые другие методы.

Анализировать с современных гуманитарных позиций духовно-магические обряды – значит рассматривать их комплексно, в том числе и как связанный с сознанием человека сакральный феномен, феномен бытия человека в мире, что требует развитой философско-антропологической оптики. Применение таковой возможно, если прибегнуть к *экзистенциальному и феноменологическому подходу* (Г. Гадамер, М. Хайдеггер, О. Финк) и идеям *символического направления (символического анализа) в антропологии* (В. Тёрнер, Ж.-Ж. Вюнанбурже, Ж. Дюран), которые выступают конструктивным «мостом» между двумя областями: общей философско-антропологической и более узкой социально-этнографической. Для работы с мифологическими и фольклорными текстами плодотворным видится также метод «насыщенного» описания, характерный для *интерпретативной антропологии* К. Гирца⁵, имеющей прямые пересечения с идеями антрополога-мифокритика Ж. Дюрана⁶ и исследователя сакрального Ж.-Ж. Вюнанбурже⁷, которые опираются на представления о двух структурах человеческой культуры: *мифосе и логосе*.

Сравнительный и кросс-культурный анализ осуществлялись путем сопоставления некоторых обычаев или верований киргизов и других народов, как этнокультурно родственных им, так и далеких. Сравнение позволило выявить некоторые обусловленности и общие закономерности изучаемых феноменов (к примеру, в разделении на черных и белых шаманов), а также проследить этнокультурные и исторические связи (например, влияние русской

---

⁵ Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.

⁶ Durand G. Les Structures anthropologiques de l'imaginaire. Paris, 1992.

⁷ Вюнанбурже Ж.-Ж. Принципы мифопоэтического воображения // Метафизические исследования. Выпуск XV. Искусство II. 2000. С. 51–68.

культуры на заговорно-заклинательные тексты киргизов). Известно, что у самых разных народов мира, слабо связанных или вовсе не связанных исторически, имеются сходства в обрядах и верованиях. В связи с этим А. Р. Рэдклифф-Браун подчеркивал, что сравнительный метод позволяет переходить от частного к общему и далее к универсальному⁸. Благодаря этой особенности, сравнительный и кросс-культурный анализ смыкаются со *структурно-феноменологическим* и *символическим*.

В **полевых исследованиях** основными методами были *включенное наблюдение, интервьюирование* (с использованием аудиозаписи, фото- и видеосъемки), *участие* в различных обрядах и паломничествах к святым местам (*мазарам*)⁹. Полевые исследования (2011–2018 гг.) проходили в естественных, повседневных условиях, иногда с длительным (до недели) пребыванием среди информантов.

Источники диссертационного исследования можно разделить на три категории:

1. Полевые материалы автора, собранные в период 2011–2018 гг.
2. Архивные источники на русском и киргизском языках¹⁰ – записанные сказителями и исследователями тексты из Рукописного Фонда ОРП НАН КР. Среди рукописей особое место занимает манускрипт «*Бакшылардын ыры жана сөздөрү*» (РФ ОРП НАН КР, инв. № 77). Работа велась в 2013 – 2016 гг.
3. Литература о киргизском фольклоре, быте и религиозных обычаях, включающая цитацию заговорно-заклинательных текстов и описание обрядов. Среди досоветского и советского исследовательского наследия нужно упомянуть труды Ч. Валиханова, Ф. Пояркова, С. Абрамзона и в особенности Т. Баялиевой. Среди современных киргизскоязычных источников надо отме-

---

⁸ Рэдклифф-Браун А. Р. Метод в социальной антропологии. М., 2001.

⁹ Были исследованы Ак-Мазар, Байтик баатырдын күмбөзү, Ала-Арча, Бурана, Будданын ташы, Иссык-Ата булагы, Эненин көз жашы, Азиздер ордосу, Тош-булак (в Чуйской области), Манас күмбөзү, Кароол-Чоку, Камырдын бели, Кырк булагы, Арашан-Ата, Чыйырда-Апа, Айчурок-Апа, Каныкей-Апа, Боо-Терек, Нылды-Ата, Ажыдаар-Таш, Калпа-Ата, Долоно, Зулпокор-Ата (в Таласской области), Ак-Булак, Ак-Терек, Базарбай-булак, Жалгыз-Терек, Бугу-эне, Талип-Акун-Ата, Жарылган Журок, Жетиген, Кара-Дөбө, Кёк-Терек, Табылдынын-Талы, Шапак-Ата, Калыгул-Олуя, Чолпон-Ата, Манжылы-Ата, Азиз, Майтик-Дубана (в Иссык-Кульской области), Шамшыкал-Ата, Каракаш-Ата (в Джалал-Абадской области), Сулайман-Тоо (в Ошской области) и другие мазары, включая священные для всех среднеазиатов суфийские объекты в Бухаре, Самарканде (Узбекистан) и Туркестане (Казахстан).

¹⁰ Информативными оказались рукописи: РФ ОРП НАН КР, инв. N 71 (265) – Мифтаков К. Дарымдар; РФ ОРП НАН КР, инв. № 77 – Тоголок Молдо. Бакшылардын ыры жана сөздөрү; РФ ОРП НАН КР, инв. № 242 (1569) – Чоробаев А. Ак-Талаа, Куланак, Тогуз-Торо районан жайналган фольклордук материалдар; РФ ОРП НАН КР, инв. № 463 – Абдрахманов Ы. Бата (элден жыйналган); РФ ОРП НАН КР, инв. № (739) 5186 – Баялиева Т. Д. Сближение народов и этнографических групп в Киргизии в области культуры. Традиции и обряды; РФ ОРП НАН КР, инв. № 799 – Баялиева Т. Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Дисс. на соиск.уч. ст. к. ист. н. АН Киргизской ССР, Фрунзе. 1969; РФ ОРП НАН КР, инв. № 1331 – Ильясов С. И. Социалистическое строительство в Киргизии в 1930–50 гг.; РФ ОРП НАН КР, инв. № 1638 – Нуров Г. Киргизская народная медицина (по материалам к. XIX – н. XX века).

тить издания, вышедшие под редакцией академика НАН КР А. А. Акматалиева¹¹, а также сборник текстов под редакцией А. А. Джапанова¹².

Историография и степень научной разработанности темы.

Я исхожу из отношения к шаманизму как к историко-культурному и духовному явлению, в чем следую В. Н. Басилову, одному из главных исследователей шаманизма у народов Средней Азии¹³. При этом в диссертационной работе разделяется мнение сторонников интегративного и практико-психологического подхода к изучению шаманизма, акцент на особых сенситивных и сенсорных качествах шаманов и связанных с ними измененных состояниях сознания (ИСС)¹⁴. Роль ИСС и, в частности, феномена одержимости в шаманской культуре, остается одной из референтных точек антропологического дискурса о шаманизме¹⁵. В русле данного диссертационного исследования ИСС выделяются в их связи с феноменом *партиципации*, который проявляется в импровизационных обрядах и самом мифопоэтическом начале вообще¹⁶.

Шаманизм киргизов изучен недостаточно. В досоветских трудах киргизов и казахов зачастую рассматривали вместе, причем больше внимания уделялось казахам (тогда их называли киргизами). Среди исследователей того периода наиболее известны следующие: П. С. Паллас, И. Г. Георги, И. Г. Андреева, А. И. Левшин, П. И. Небольсин, А. Евреинов, В. В. Радлов, М. Миропиев, А. А. Диваев, Е. С. Малов, Б. Даулбаев, Ф. Поярков, Ч. Валиханов, Ф. Кастанье, П. П. Семенов-Тян-Шанский.

В 1930 г. Н. П. Дыренкова отмечала, что имеющиеся работы о киргизских и казахских шаманах – мелкие и «крайне отрывочные»¹⁷. В советское

---

¹¹ Каада-салттар. Ак баталар / А. Акматалиевдин жалпы ред. Астында. Бишкек: Шам, 2003; Кыргыз адабитынын тарыхы: Фольклористика, I том / А. Акматалиевдин жалпы ред. астында. Бишкек, 2004.

¹² Алкоолор, ак баталар, ырым-жырымдар / Түз. А. А. Джапанов. – Бишкек, 2011.

¹³ Басилов В. Н. Избранники духов. М., 1984; Басилов В. Н. Культ святых в исламе. – М., 1970; Басилов В. Н. Шаманство как ранняя форма мистицизма / Вопросы научного атеизма. М., 1989. – Вып. 38. – С. 94–108; Басилов В. Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1992.

¹⁴ Харитонова В. И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований. Ч. 1-2. М.: ИЭА РАН, 1999; Харитонова В. И. Народные маги-ко-медицинские практики: традиция и современность. Опыт комплексного системно-феноменологического исследования. Автореф. дисс. д. и. н. Москва, 2000; Харитонова В. И. Устами шамана глаголет... дух? К вопросу о шаманской психофизиологии и возможностях экспериментального изучения личности шамана // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. 2002. М.: Наука, 2004. С. 24–43; Харитонова В. И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М.: Наука, 2006; Харитонова В. И. Шаманские духи: основа сакрального и средство сакрализации // Сибирские исторические исследования. № 4, 2016. С. 236–261.

¹⁵ Cohen E. What is Spirit Possession? Defining, Comparing, and Explaining Two Possession Forms // Ethnos 73 (1), 2008. Pp. 1–25; Бургиньон Э. Измененные состояния сознания // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. М.: Смысл, 2001. С. 405–461; Измененные состояния сознания и культура (хрестоматия / автор-составитель О. В. Гордеева). СПб, 2009. С. 192–218.

¹⁶ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994; Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М., 1998.

¹⁷ Дыренкова Н. П. Получение шаманского дара по воззрениям турецких племен // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т.9. Л., 1930. С. 30.

время изучение киргизских шаманов, в отличие от киргизских сказителей, не было популярным и, по-видимому, жестко корректировалось идеологической линией. Тем не менее, единственной научной монографией, которая рассматривает *бакшылык* системно, в совокупности всех его основных аспектов, до сих пор остается работа именно советского периода, выполненная этнографом Т. Д. Баялиевой¹⁸. В своей монографии она приводит результаты обширных полевых исследований и обобщает накопленный наукой материал, включая труды своего учителя и научного руководителя С. Абрамзона¹⁹. Кроме Т. Д. Баялиевой о киргизском шаманизме писал Б. Аманалиев²⁰.

Немалый вклад в изучение киргизского шаманизма внес В. Н. Басилов, рассматривавший его в контексте шаманских практик разных народов Средней Азии²¹. Отдельно стоит упомянуть экспедицию 1988 года, которую В. Н. Басилов совершил вместе с киргизскими учеными И. Б. Молдобаевым и А. З. Жапаровым в Нарынской и Иссык-Кульской областях Киргизии. В ее ходе были изучены практики паломничеств к мазарам, записаны сказания о знаменитых шаманах прошлого и некоторые заговорно-заклинательные тексты. В. Н. Басилов смог информативно вписать киргизский *бакшылык* в среднеазиатскую духовно-магическую традицию, но все же более пристально и обстоятельно он изучал узбекских, туркменских и таджикских, а не киргизских шаманов.

Интерес к традиционной культуре и к ее шаманскому аспекту, возродился в постсоветское время. Особенно заметно внимание к культу святых мест. Они детально описаны и каталогизированы сотрудниками КИЦ «Айгине» под руководством д. ф. н. Г. А. Айтпаевой²². Вместе с тем, исчерпывающих исследований, которые бы прослеживали связь духовно-магических обрядов киргизской традиции и их шаманского базиса в исторической динамике, пока нет.

Хронологические и территориальные рамки работы определяются материалами, зафиксированными с конца XIX в. до настоящего времени (периодически используются также более ранние источники). Территориальные

---

¹⁸ Баялиева Т. Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972.

¹⁹ Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971; Абрамзон С. М. К характеристике шаманства в старом быту киргизов. КСИЭ, 1958, вып. XXX. С. 143–150; Абрамзон С. М. Тянь-Шанская этнографическая экспедиция. КСИЭ, 1948, вып. IV. С. 66–73; Абрамзон С. М. Этнографические экспедиции в Киргизской ССР в 1946–1947 гг. // Изв. ВГО. Т.80. Вып.4. Л., 1948. С. 373–383.

²⁰ Аманалиев Б. Доисламские верования киргизов // Религия, свободомыслие, атеизм. – Фрунзе, 1967. С. 18–30; Аманалиев Б. Из истории философской мысли киргизского народа. Ф.: АН КССР, 1963.

²¹ Басилов В. Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1992.

²² Жалал-Абадагы ыйык жерлер жана эл даанышмандыгы. Бишкек, 2010; Касиеттүү Баткен аймагы жана эл билими. Бишкек, 2012; Оштогу ыйык жерлер жана эл билими. Бишкек, 2011; Святые места Иссык-Куля: паломничество, дар, мастерство. Бишкек, 2009; Святые места севера Кыргызстана: природа, человек, духовность. Бишкек, 2015; Святые места юга Кыргызстана: Природа, Манас, Ислам. Бишкек, 2013.

рамки отчасти скорректированы тем, что полевой материал автором исследования собирался преимущественно на территории Северной Киргизии, но также имеются и данные, касающиеся южных регионов этой страны. Киргизские традиции в исследовании сравниваются с традициями соседних среднеазиатских народов и генетически родственных киргизам народов Алтая, тюркских и монгольских, реже – других народов.

Практическая значимость диссертации. Материалы и выводы работы могут использоваться в дальнейших исследованиях культуры киргизов и народов Средней Азии. Диссертацию можно воспринимать и как набросок к расширенным исследованиям по намеченным в ней областям. Ряд полученных выводов представляет интерес для изучающих религиозные и геополитические процессы, происходящие в Средней Азии. Выводы и основные положения работы важны для междисциплинарных исследований культур различных народов. Они могут быть полезны при чтении общих и специальных лекционных вузовских курсов по антропологии, этнографии, фольклористике, культурологии и философии культуры.

Положения, выносимые на защиту:

1. Шаманизм – этнокультурный базис киргизских духовно-магических практик, которые в процессе исторического развития значительно отделились от своих истоков, однако сохраняют их конституирующую специфику: веру в духов (духов предков *арбаков*, духов-покровителей *колдоочу*, хозяев местности *ээси*, потусторонних мудрецов *чильтенов*, особых существ *джиннов*, *пери*, *дивов* и других), культ усопших (особенно святых подвижников и исторических деятелей) и священных мест (*мазаров*), культ священных животных, проводимые в ИСС ритуалы, наличие избранных духами к служению «специалистов» по взаимодействию с сакральным и т.д.

2. В шаманских, целительских и магических обрядах киргизов есть много общего с аналогичными обрядовыми практиками тюрков и соседних среднеазиатских народов (включая персоязычных таджиков). Вместе с тем имеются и специфические черты: так, лишь киргизы в Средней Азии делят своих шаманов на белых и черных, а шаманские тексты киргизов содержат больше анималистических и архаических образов, нежели аналогичные тексты соседних народов, чья духовно-магическая традиция формировалась в рамках оседлой цивилизации.

3. В настоящее время традиции и обряды *кыргызчылык* претерпевают новый виток исторического развития, связанный не только с углубляющимся диалогом между народной культурой и мусульманством (*мусулманчылык*), но и с влиянием глобализации (в том числе, неошаманизма, нью-эйджа, различных религиозных и философских учений), с одной стороны, и поисками

национальной культурной идентичности, с другой. В русле таковых поисков оформляются отсылающие к архаике и шаманизму новые учения (*тенгрианство*) и оригинальные прочтения традиционных сюжетов (т. н. *джайсанизм*).

5. Собственно шаманизм (*бакишылык*) понимается как часть духовно-магической традиции киргизов. Шаманы и шаманки (*бакишы* и *бубу*) продолжают проводить многочисленные обряды, порой вливаются в различные социальные структуры (от неорелигиозных направлений до целительских центров), разделяют мир сакрального вместе с представителями других категорий (от сказителей *джомокчу* до знахарей *табыпов*).

6. В вопросе разделения шаманов на черных и белых, а также в их отношении к различным классам духов (особенно к *джинам*) наблюдаются определенные культурно-исторические изменения. Постепенно у киргизов утрачивается экстатический ритуал камлания *талма бий*, в то время как характерные для шаманизма представления о духовном избранничестве и духовном даре (т. н. *касует*) по-прежнему крепки, а культ святых мест (*мазаров*) даже активно развивается, также включая в себя некоторые новые элементы, к примеру, «эзотерический туризм».

7. *Бата*, *зикир*, *дуба* и другие духовно-магические практики обычно включают в себя частичные или полные поэтические импровизации, а само исполнение обрядов нацелено на открытие трансцендентного горизонта человеческого бытия, что в целом свойственно мифопоэтике. Слово мыслится киргизскими шаманами и целителями как сакральный феномен, оно обладает особой силой, наполняющей различные заговорно-заклинательные практики (*рух тазало*, *дем салуу*, *жар салуу*, *шам жагуу*, *эмдөө аластоо* и другие).

8. В зикрах, шаманских песнопениях, вообще в смысловом пространстве киргизской духовно-магической традиции постоянно звучат пророчества, *аманаты* (задания, поручения), нравоучения и внушения, которые наполняют человека «внутренней силой», позволяют оформить и утвердить свой выбор, погружая его в континуум характерных культурных представлений. Наполненные мифопоэтикой священные обряды демонстрируют способность примирять человека с экзистенциальными вызовами, где это невозможно или затруднительно сделать в русле рационального, эмпирически ориентированного познания.

Апробация результатов работы. Основные положения диссертационного исследования были представлены в ходе выступлений автора на научных мероприятиях: семинаре по проблемам комплексного и междисциплинарного изучения шаманизма в ИЭА РАН (2015 г.), XII Конгрессе антропологов и этнологов России (2017 г.), Конференции молодых учёных (КМУ) «Проблемы идентичности в контексте мирового опыта» в ИЭА РАН (2017 г.),

международной конференции «Французское культурное и гуманитарное наследие в работах ученых Центральной Азии» в Институте Сорбонна-Казахстан (Республика Казахстан, г. Алматы, 2018 г.), VI международном интердисциплинарном научно-практическом симпозиуме «Медицина и (со)общества: интеграция медицинских систем, практик, методов в профилактике и оздоровлении» в ИЭА РАН (2018 г.).

Диссертация была обсуждена на расширенном заседании Центра азиатских и тихоокеанских исследований ИЭА РАН 25 декабря 2018 г.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка сокращений, словаря специальных терминов и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность изучения выбранной темы, определяются цель и задачи научного исследования, сообщается о его методологических и методических основах, указываются важнейшие источники, а также характеризуются предмет и объект, новизна, практическая значимость работы.

Первая глава «**Киргизский шаманизм в этнокультурном контексте**» содержит общее описание киргизского шаманизма (*бакшылык*) и связанных с ним духовно-магических практик.

В параграфе **1.1. Бакшылык через призму шамановедения** подробно освещается история изучения киргизского и среднеазиатского шаманизма в трудах дореволюционных, советских, современных киргизских, российских и зарубежных исследователей: этнографов, культурологов, антропологов, фольклористов, краеведов. Следует отметить, что киргизский шаманизм не изучался самостоятельно и последовательно в досоветское время; в дореволюционных источниках он обычно упоминается в контексте среднеазиатских верований в целом либо вместе с казахской шаманской традицией. Вплоть до 40-х – 50-х гг. прошлого века, когда за эту тему взялся С. Абрамзон, а позднее, в 70-х гг., его ученица Т. Баялиева, научных публикаций в полном смысле слова о киргизском шаманизме не было. Среди советских исследователей духовно-магической традиции киргизов и их народной медицины стоит назвать С. Ильясова, Б. Аманалиева и Г. Нурова.

В наше время продолжается изучение киргизского шаманизма и нешаманизма. Этим занимаются венгерские ученые Д. Кара Шомфай и Я.

Шипош²³, а также киргизские специалисты из КИЦ «Айгине», которым руководит д.ф.н. Г. А. Айтпаева. Работа последних посвящена преимущественно культу святых мест (*ыйык жерлер* или *мазары*). Изучение духовно-магических традиций киргизов в современный период проходит, в том числе, с использованием кросс-культурного, интердисциплинарного подхода.

Параграф **1.2. Шаманы Тоголока Молдо и вопрос одержимости** посвящен важному источнику, который практически не рассматривался в научных трудах, за исключением одной статьи И. Молдобаева²⁴, рукописи киргизского акына и собирателя фольклора Тоголока Молдо «Песни и слова бакшы». В манускрипте описываются киргизские шаманы конца 20-х гг. XX века. Эта рукопись содержит интересный материал, касающийся атрибутики, практики и мировоззрения *бакшы*, а также записи их заклинаний. Особенный интерес данные Тоголока Молдо представляют в контексте дискуссионного вопроса о феномене одержимости в киргизском шаманизме. В советское время данный источник игнорировался, что могло быть связано с нежеланием «примешивать» к идеологически выверенному образу Тоголока Молдо тематику шаманизма, отношение к которой долгое время оставалось неоднозначным.

Так, Т. Баялиева, скорее всего, хорошо знакомая с источником, не упоминает его в своих работах, хотя и подчеркивает крайний дефицит записей киргизских шаманских текстов.

Разделению на черных (*кара-бакшы*) и белых (*ак-бакшы*) шаманов посвящен параграф **1.3. Черные и белые шаманы у киргизов**. После вводной части, в которой говорится об ИСС в шаманизме в целом, дается описание *кара-бакшы* и *ак-бакшы*, какими их представляли раньше и представляют сейчас в Киргизии. Анализируя имеющийся материал, удалось выявить, что деление на черных и белых шаманов у киргизов коррелирует с техниками вхождения в ИСС. В ходе ритуалов, когда делаются предсказания и производятся целительские манипуляции, *бакшы* практикуют преимущественно контролируемую одержимость духами. Черные шаманы, имеющие «черных джинов», традиционно определяются как «беспокойные» шаманы, использующие аффективные техники вхождения в ИСС. В настоящее время представление о черных и белых шаманах размылось, единого мнения об этой дифференциации у информантов нет.

---

²³ Somfai K. D. Kirghiz shamanism (West Central Asia) // Shamanism. An Encyclopedia of World Beliefs, Practices, and Culture / Ed. Mariko Namba Walter and Eva Jane Neumann Fridman. ABC – CLIO. Santa Barbara, California – Denver, Colorado – Oxford, England. 2004. V. II. Pp. 579–582; Somfai-Kara D., Hoppál, M., Sipos János. The Sacred Valley of Jay Ata and a Kirghiz Shaman from Xinjiang, China, Shaman: An International Journal for Shamanistic Research 15(1-2), 2007. Pp. 47–68.

²⁴ Молдобаев И. Б. Кыргызский шаман (бакшы) в 20-е годы XX века // Среднеазиатский этнографический сборник – Вып. IV. Москва, 2001. С. 232–237.

В параграфе **1.4. Дифференциация сакральных практиков у киргизов** показано, что у *бакшы* и *бүбү* есть целый ряд особенностей. Они используют ритуальные плети, ножи, мусульманские четки и специальные посохи-идеофоны (*аса-муса*). Бубнов киргизские шаманы не имеют. *Бакшы* также не имеют специфической шаманской одежды (шаманский костюм, вероятно, исчез под действием ислама еще в XVIII–XIX веках), при этом многие из шаманов (а также целителей, медиумов, знахарей) особое значение придают белым одеяниям.

Близко к *бакшы* стоит фигура *дубана* – странника и безумца, наделенного сакральными способностями. В современной Киргизии представления о *дубана* (по сравнению с зафиксированными в прошлом веке) значительно изменились. Теперь *дубана* – это не обязательно радикально отрешенный от мира нищенствующий странник. Замечу, что, как и в начале XX века, некоторые *бакшы* одновременно являются *дубана* (сочетают два «пути»: *бакшылык* и *дубаначулук*).

Большое значение в народной традиции имеют иные «специалисты»: *куучу* (экзорцисты), *шайыки* (смотрители мазаров), *табыны* (лекари), *ай-тымчи* (медиумы), *молдо* (муллы), *толгочу* (гадатели). Такие люди пользуются уважением окружающих, к ним по-прежнему обращаются за помощью.

Важное значение в киргизской традиционной духовности имеет природа. Этому вопросу посвящен параграф **1.5. Бакшылык и силы природы**. В нем содержатся сведения о священных растениях (прежде всего: гармала, можжевельник, боярышник) и животных (особенно: горные копытные – *кыйыки*, волки, орлы, филины и змеи), занимающие важное место в духовно-магических практиках киргизов. Народная медицина киргизов располагает широким набором натуропатических средств, сочетая эмпирические методы лечения с духовными, а традиция *бакшылык* напрямую связана с этнокультурными представлениями о природе и ее духовной ценности.

В последние три столетия киргизский шаманизм и ассоциируемые с ним практики претерпели существенные изменения, вызванные различными культурно-историческими обстоятельствами. Данному вопросу посвящен параграф **1.6. Исторические трансформации киргизского шаманизма в XX–XXI вв.: образы и идеи**. К настоящему времени внутри традиционного киргизского шаманизма стали заметны модернистские, привнесенные благодаря русской и мировой культуре, фрагменты. Оформление в конце прошлого века специфических организаций, нацеленных на поиск «народной духовности» и национальной идентичности, новые социально-экономические реалии и обогащение традиционной культуры инородными элементами сделали возможным появление *неошаманизма* и родственных ему практик. В то же время шаманизм и тради-

ционная тюркская духовная культура были «подняты на знамя» культурного возрождения определенной частью интеллигенции, связанной с идеями *тенгрианства*, что только усугубило давно существующее напряжение между приверженцами народной культуры (*кыргызчылык*) и ислама (*мусулманчылык*). В конце XX века сформировался и феномен религиозного туризма.

Вторую главу «**Заговорно-заклинательная традиция киргизов**» открывает параграф **2.1. Бакшы ыры – шаманские песни**. *Бакшы ыры* исполняются в ходе различных обрядов *бакшы* и *бүбү* и содержат ряд характерных элементов: призывание духов-покровителей, обращение к духам-хозяевам святых мест, воспоминание о получении священного дара (*касует*), описание манипуляций, которые осуществляет шаман параллельно песнопению. Многие сакральные образы и средства их описания у киргизов являются общими с соседними народами: казахами, таджиками, узбеками. По своей музыкальной тональности *бакшы ыры* близки к песням-причетам (*кошоки*).

Бакшы ыры имеют стилистическое и структурное сходство с текстами *зикров*, которые исполняются в духовно-магических ритуалах. Им посвящен параграф **2.2. Зикир чалуу –экстатические моления**. Основное отличие *зикров* – наличие мусульманских рефренов (молитвенных формул, как правило, на арабском языке). В то же время существуют *зикры*, совершенно лишённые арабских формул, состоящие из псевдослов, глоссолалий и призываний духов. Такие *зикры* имеют мало общего с мусульманской обрядностью, их можно считать целиком шаманскими. Так, *көрүм-зикир* – это шаманское камлание, в котором мусульманские элементы играют второстепенную роль. Связанный с *көрүм-зикир* ритуал *талма бий*, по-видимому, в настоящее время не практикуется на территории Киргизии. Развитие *зикров*, включая появление *зикра пилы*, демонстрирует основные точки соприкосновения суфизма и шаманской культуры народов Средней Азии. Прежде всего, это идея о возможности единства человеческого бытия и бытия божественного, преодоления грани между смертью и бессмертием, границы мира людей и священного мира духов. Такое преодоление видится мистикам как феномен, достижимый переживанием страданий и испытаний в ходе особых практик и особых состояний. Иногда речь идет о расчленении и последующей «пересборке» адепта, что также сближает суфизм и шаманизм.

Значительное место в духовно-магической сфере *кыргызчылык* занимают *бата* (благословения) и *тескери бата* (проклятия) рассмотренные в параграфе **2.3. Арбак бата – благословения предков**. Анализ фольклорных и этнографических источников позволяет выявить структуру обрядовых импровизаций *бата*, глубоко связанную с песнями киргизских *бакшы*, а также с аналогичными жанрами других тюркских народов. В настоящее

время отмечается появление новой, неошаманской практики духовных благословений – *бата чыгаруу*. Ритуальный характер и приемы импровизации во время благословения предков (*арбак бата*) нацелены на погружение человека в особый мир, главная сакральная инстанция которого – дух, посылающий свою волю через служителя – *бакшы*. Практики духовных благословений имеют очевидную экзистенциальную составляющую, заключающуюся в самосозидательной работе человека.

Следующий параграф **2.4. Магические заклинания *ырым-жырым***, в нем речь идет о заговорно-заклинательной практике киргизов, в которой используются различные формы текстов. Одни из них в большей степени ассоциируются с мусульманской магией (*рукия*: использование *сур* и *аятов*), другие связаны с архаическими практиками и шаманизмом (*дарым*, *бадик*, *албын*), третьи понимаются в зависимости от контекста и имеют самое широкое смыслоупотребление (*дуба*). Сами тексты мыслятся действенными в их связи с ритуалом и силой заклинателя. В различных заговорно-заклинательных текстах могут присутствовать как устоявшиеся, так и импровизационные, свободные элементы. В целом заговорно-заклинательная практика киргизов зиждется на сакральном статусе слова.

Все названные выше магические формулы используются в народной магии, в ритуалах *дем салуу* (снятие сглаза, порчи), *жар салуу* или *жар кәтөрүү* (работа с духами-покровителями), *шам жагуу* (зажигание огня), *эмдөө* (экзорцизм), *аластоо* (окуривание дымом растений) и других. Ритуальная, практическая сторона *кыргызчылык* рассматривается в параграфе **2.5. Основные духовно-магические обряды киргизов**. Эти обряды часто не отделяются друг от друга четкими границами, а, напротив, могут встраиваться друг в друга: так, ритуал *шам* часто предшествует *дем салуу* или *зикрам*, а различные формы жертвоприношений (*садага*, *курмандык*, *түлөө*, *аксары башыл*) являются неотъемлемой частью большинства обрядов. Мотив жертвенности, значимый для киргизской духовно-магической поэзии, передает ритуальная формулировка «*айланайын*». Это слово – целый семантический пучок, демонстрирующий, что киргизские шаманы сами отождествляют себя с жертвами, претерпевающими насилие (или некий натиск) со стороны потусторонних сил. В настоящее время киргизские магические и мистические обряды демонстрируют преобладание засвидетельствованных ранее форм, продолжают жить и развиваться.

В главе третьей «Представления о сакральном в *кыргызчылык*» анализируются не только сами представления, но и их связь с практической стороной *кыргызчылык* в контексте мифопоэтики и ее экзистенциального содержания. В параграфе **3.1. Структуры сакрального: дар – духи – мазары**

они выделены с когнитивно-онтологических позиций в виде трех модальностей: внутренней, внешней и медиативной (посреднической). Понятия *аян* (весть из духовного мира, прозрение), *аруу* (период болезненных испытаний перед принятием сакрального дара) и *касиет* (сакральный дар) касаются внутренних состояний человека, которые всегда связываются с событиями, но события никогда не мыслятся как нечто внешнее или операционное – напротив, они явлены как посыл бытия в жизни человека. Человек в *кыргызчылык* окружен невидимым миром *кайып дүйнө* (*кыямат*), который особым образом раскрывается в сакральных пространствах, на святых местах (*мазары, ыйык жерлер*). Это внешняя модальность сакрального.

Мазарами считаются могилы почитаемых личностей и различные природные объекты. Они играют огромную роль в духовно-магической традиции киргизов и других народов Средней Азии: на них люди лечатся, приводят в порядок свои мысли и чувства, получают знаки, вещие сны, предсказания, внимают *бакшы*, целителям, сказителям и другим «людям, имеющим дар». На мазарах духи, представители *кайып дүйнө*, могут давать человеку способности (*касиет*) или наказания, заветы (*аманат*). Само сакральное пространство вместе с духами и природой воспринимается в русле естественной гармонии мира и раскрывающегося через эту гармонию бытия. Различные духи (*джинны, пери, арбаки, тиры-колдоочу, ээси, дивы, кайты, чильтены* и другие), действующие как посредники между мирами (медиативная модальность сакрального), преодолевают онтологическую границу смерти и, таким образом, соотносятся с конечностью земного пути человека. В оптике символической антропологии (Ж. Дюран) мифы и духовно-магические практики выступают как культурно артикулированный ответ человека на вызов времени и смерти, и такой ответ в киргизской традиции раскрывается преимущественно в структурах мистического ноктюрна, в котором противопоставление жизни и смерти (так же, как и противопоставление субъекта и объекта, ноумена и феномена) сглаживается или вовсе снимается. Это происходит благодаря феномену *партиципации*.

Философско-культурологические пояснения к феномену партиципации в русле киргизского шаманизма содержатся в параграфе **3.2. Мифопоэтическая композиция смысла и возможности осмысления духовно-магических традиций с позиций гуманитарного знания**. Предлагается считать партиципацию методом целостного (холического) восприятия мира, свойственного мифопоэтике. Абстрактно-разумная репрезентация (экспликативное мышление) в такой перспективе видится развитием или устрожением мифопоэтического мышления с его обобщающим пониманием. Мифопоэтика

может быть понята через современные концепты гуманитарного знания, к примеру, через нарративы в нарратологии.

Подробнее об этом говорится в параграфе **3.3. Поэтическая импровизация и феномен игры в духовно-магической традиции киргизов**. В нем также отмечаются сходства и различия между шаманами и сказителями. Функционально это совершенно разные категории, но у них есть и нечто общее. Характерно, что *бакшы ыры* произносятся в качестве импровизации и зачастую в ИСС. Большое значение ИСС имеют и для исполнения эпоса. Отмечается, что импровизация обладает качествами синхронного творческого модуса, а импровизатор находится по ту сторону объект-субъектной дуальности, исполняя то, что он «видит» (в том числе «внутренним зрением», через *аян*). В киргизской шаманской и магической обрядности также существуют феномены «свободного языка» – глоссолалии и паралогизмы. Другая сторона духовно-магической деятельности – игра. Игровое начало репрезентируется в самом термине, каким обозначают шаманские камлания – *бакшы оюн* (игра бакшы). *Оюн* – не просто слово, а целый семантический пучок, имеющий различные смысловые оттенки: от юмористических до сексуальных. Объединение сексуальных и шаманских коннотаций здесь иллюстрирует некоторые сущностные стороны шаманизма как такового: значимость аффективного возбуждения в камланиях, важность мотивов перехода (союза различных онтологических полюсов), символический характер шаманского ритуала, который многие исследователи считают генетическим материалом театра (или шире – искусства).

В Заключении подведены основные итоги исследования.

1. Анализ значительного объема полевых материалов и сравнение их с архивными источниками позволили подтвердить ряд положений о специфике киргизской духовно-магической традиции и обозначить особенности ее функционирования в XX–XXI веках. Очевидно, что основой большинства духовно-магических обрядов остается шаманизм и характерные для него представления о различных духах. Для киргизского шаманизма свойственно разделение на черных и белых шаманов, которое, по моим данным, коррелирует с техниками вхождения в ИСС. Черные шаманы традиционно считаются у киргизов более сильными или даже «собственно шаманами» в отличие от белых, которые часто ассоциируются с мусульманством и «народными *молдо*». Черные шаманы (*кара-бакшы*) остаются практиками, связанными с доисламскими культами. В их ведении находятся мир мертвых и мир *джиннов*. Сейчас популярность джиннов в киргизских магических практиках (сравнительно с данными XIX и первой половины XX вв.), снижается. Все чаще зву-

чат обращения не к джиннам, а к *арбакам* (духи предков), покровителям *колдоочу* и *чильтенам*, или даже напрямую к Аллаху.

2. Среди обрядов *кыргызчылык* большое значение имеют благословения (*бата*), экстатические моления (*зикир*), молитвы и заклинания (*дуба*), паломничества на святые места, различные ритуалы очищений и жертвоприношений. Благословения (*бата*) очевидным образом смыкаются с древним тюркским жанром благопожеланий *аклыш*. Связь между духами и людьми у киргизов разворачивается, во-первых, в так называемых *бакшы ыры* (шаманских песнопениях), а, во-вторых, в специфической форме *бата* — благословениях предков или *арбак бата*. В ходе полевых исследований удалось выявить представление, согласно которому обычные бата «даются» (*бата берүү*), а благословения предков «издаются» или «выпускаются» (*бата чыгаруу*). При этом понятие *бата чыгаруу* – новое веяние, связанное с функционированием неорелигиозных организаций. В текстах *бата*, *зикир чалуу* и *бакшы ыры* значительное место занимают сакральные фигуры и образы (главным образом духи и святые места), причем образность киргизских текстов более архаична в сравнении с текстами узбекских и таджикских шаманов, в ней чаще присутствуют зооморфные, а не антропоморфные духи, ярче представлен доисламский пласт культуры. Одним из важных составляющих сакрального мира *кыргызчылык* остается зикр – практика, появившаяся под влиянием суфийских братств. Зикры у киргизов исполняются не только под контролем мусульманского духовенства или внутри суфийских общин, но и различными группами, часто под началом шаманов и шаманок в ходе паломничеств или иных практик. Такие зикры обычно содержат призывы к духам и акцентируют внимание не столько на содержательно-теологической стороне радения (имена Аллаха, арабские сакральные формулировки и пр.), сколько на спорадическом аспекте практики (импровизация, пляска, глоссолалия, плач, отрыжка, рычание). Представления о сакральной силе слова лежат как в основе зикра, так и в основе различных заговоров и заклинаний, используемых во время различных обрядов: инициации, духовного очищения, заговаривания, экзорцизма и многих других.

3. В ходе исследования удалось выявить основные понятия и структуры сакрального мира киргизской традиции. Среди таковых *аян* (высшая весть, ясновидение, озарение), *аманат* (заклад, задание, миссия), *аруу* (т. н. шаманская болезнь, зов *духов*), *касиет* (священный дар, талант, особая сила) в большей степени касаются внутренних состояний человека, которые, однако, не отделяются от жизни и судьбоносно наполненной событийности. Сакральные пространства (*мазары*, *ордо*) мыслятся связанными с духовным, невидимым миром (*кайып дүйнө*, *акырет*), населенным различными сакральными существа-

ми (*арбаки, джинны, пери, пиры, колдоочу, чильтены* и др.), которые обычно выполняют посредническую роль между человеком и духовным миром, сферой живых и мертвых, сферой человеческой и божественной. Киргизская духовно-магическая традиция не мыслима без самих носителей мифопоэтического начала, которые общаются с духами и прибегают к их помощи. В первую очередь это *бакшы* (шаманы) и *бубу* (шаманки). Наличие особых способностей или сакрального дара обязательно не только для шаманов и *джомокчу* (сказителей), но и для других сакральных «специалистов». Среди таких наиболее близки шаманизму призванные к аскезе и мистическому самоусовершенствованию *дубана* (ранее это были нищенствующие мужчины, бродячие дервиши, отчасти напоминающие русских юродивых, но сейчас как *дубана* идентифицируют себя семейные мужчины и женщины), экзорцисты *куучу* и *эмчи* (как правило, получают свои способности в противостоянии со злыми духами), *демчи* (заклинатели в широком смысле слова), *табыны* (лекари-знахари, имеющие обширные познания в области натуропатии), *тамырчи* (лекари, диагностирующие по пульсу), *дарыкеры* (знахари-заклинатели), *толгөчү* (гадатели), отдельные *молдо* (те исламские священнослужители, муллы, которые с магическими целями используют суры, изготавливают амулеты-тумары и нередко имеют познания в области травничества).

4. Внешне человек в *кыргызчылык* окружен невидимым миром *кайып дүйнө*, «точками соприкосновения» которого с миром людей считаются *мазары*. Святые места, будь это захоронения или природные объекты, вместе с окутывающими их легендами и живописной природой воспринимается в русле естественной гармонии мира, как раскрытие «тайн бытия». На мазарах проводятся главные духовно-магические обряды киргизов, коллективные моления, жертвоприношения, целительские сеансы, зикры и т. д. В этой связи чрезвычайное значение имеет возродившаяся в постсоветское время практика *зийаратов* – паломничества на святые места. В народном исламе бытуют представления о равнозначности *хаджа* в Мекку и посещения некоторых святых мест, а также о «незримой связи» мазаров, объединенных в некую духовную сеть или иерархию. Паломничества, предполагающие особые ритуалы, «выносят» человека из обыденного мира и подготавливают его ко встрече с сакральным, настраивают на исцеление, получение пророчеств, обретение сил и способностей.

5. В последние три столетия киргизский шаманизм и связанные с ним практики меняются под действием исторических причин и общественных сил. К нашему времени внутри традиционного киргизского шаманизма заметны модернистские фрагменты. С распадом СССР и обретением независимости в Киргизии оформились специфические организации, нацеленные на поиск «национального лица» и возрождение «исконных традиций», появился

неошаманизм, возникло традиционалистское течение *тенгрианство*. Кроме того, в XX веке оформилось такое явление как религиозный туризм. Сакральные паломничества объединяют неорелигиозные «центры локальной духовности» *ордо*. Иногда такого рода практика имеет коммерческий характер. Распространение получили новые разновидности сакральных «специалистов» – так называемые вестники (*аянчы* и *айтымчы*), которые от имени духов и высших инстанций передают «вести», наставления, призывы и пророчества. В то же время близкие к шаманизму *сынчы*, знатоки животных и природы, с переходом к оседлому образу жизни постепенно исчезли. В преданиях старины остались и «повелители погоды» *жайчы*. Неошаманизм в Киргизии включил в себя много нового, но сохраняет и некоторые ключевые черты традиции – в первую очередь понятие о шаманском даре, который обретается путем испытаний, подчас весьма болезненных.

6. Главной функциональной особенностью шаманов считается их посредничество между мирами, умение пересекать межкатегориальные границы, включая выделенную антропологами границу природное/культурное (сырое/вареное у Л. Леви-Стросса). Все это в полной мере касается и киргизского *бакшылык*. Представляется, что к обозначенным бинарным парам можно добавить и онтологическую границу актуальное/возможное (или наличное/виртуальное), которая, как известно, пересекается в игре. В этом отношении характерно именование камлания игрой – *бакшы ойно*. Игра как онтологический феномен связана и с языком: и то, и другое есть бытийный способ взаимодействия с возможным (сферой потенциального и виртуального). Сакральное измерение игры и языка раскрывается в импровизациях *бакшы* в виде игровой инверсии. Представляется, что шаманские обряды и духовно-магические импровизации обладают важной экзистенциальной значимостью – они дают человеку возможность принять и выдержать послысы судьбы. Пророчества, аманаты, нравоучения и внушения, которые могут сохраняться в текстах *арбак бата* и *бакшы ыры*, наполняют человека «внутренней силой», позволяют ему оформить и утвердить свой выбор, поскольку погружают его в пространство характерных культурных представлений.

Диссертационное исследование сопровождается списком сокращений, словарем специальных терминов и приложениями. Приложения содержат оригинальные киргизские тексты и их переводы на русский язык, выполненные автором диссертации самостоятельно либо в соавторстве. **Приложение:** **1. Багыш-тоо** (посвящение молитвы и трапезы Богу и духам); **2. Арбак-бата**; **3. Зикр** (зикир чалуу); **4. Бакшы ыры** (песни бакшы из рукописи Тоголока Молдо «Бакшылардын ыры жана сөздөрү»); **6. Фотоматериалы.**

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Маничкин Н. А. Духовно-поэтические импровизации из рукописи Тоголока Молдо в контексте среднеазиатского шаманизма // Традиционная культура. № 1, 2016. С. 75–80.
2. Маничкин Н. А. Сакральные переживания: новые материалы к характеристике типов измененных состояний сознания и дифференциации киргизского шаманства // Сибирские исторические исследования. № 4, 2016. С. 216–235.
3. Маничкин Н. А. Некоторые современные магические обряды киргизов в перспективе шаманизма // Вестник КИГИ РАН. № 1, 2017. С. 48–57.

Публикации в других изданиях:

1. Маничкин Н. А. Образ джинна в центральноазиатском фольклоре // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. № 3, 2015. С. 182–184.
2. Маничкин Н. А. Священные места и феноменология скрытого мира // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. № 3, 2015. С. 185–187.
3. Маничкин Н. А. Заговорно-заклинательная традиция киргизов // Известия ВУЗов Кыргызстана. № 3, 2015. С. 116–118.
4. Маничкин Н. А. Бакшы оюн: обряд как игра // Известия ВУЗов Кыргызстана. № 3, 2015. С. 126–128.
5. Маничкин Н. А. «Бата берүү» – киргизская практика духовных благословений // Известия НАН КР. № 3, 2015. С. 95–100.
6. Маничкин Н. А. Взаимодействие суфизма и доисламских верований в народном зикре // Известия НАН КР. № 4, 2015. С. 100–106.
7. Маничкин Н. А. Скрытый мир центрально-азиатских святынь // Тамыр. №2 (42), 2015. С. 34 – 41.
8. Маничкин Н. А. Экзистенциально ориентированная антропология в исследовании духовного фольклора // Вестник КГУ им. Арабаева. Выпуск 4 (1), 2015. С. 94–98.
9. Маничкин Н. А. Фольклорно-этнографические данные о бакшы ыры // Вестник КГУ им. Арабаева. Выпуск 4 (1), 2015. С. 98–102.
10. Маничкин Н. А. Священные и целебные растения киргизов в шаманской практике и народной медицине // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. Москва; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. С. 235.

Подписано в печать: 21.02.2019
Объём: 1,4 п.л.
Тираж 50 экз. Заказ № 113
Участок оперативной полиграфии
Института этнологии и антропологии РАН
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А